

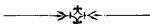
ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ**.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.
1913 — 1914.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ И СЪ ДВУМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вос. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

Бытовые рельефы на хаченскихъ крестныхъ камняхъ XII и XIII вв.

Въ тѣхъ областяхъ Арменіи, которыя за послѣднее время болѣе или менѣе систематически изучаются, крестные камни съ рельефными сценами представляютъ пока совершенно не отмѣченное явленіе. Имѣются, конечно, крестные камни съ изображеніями евангельскихъ сценъ, Спасителя, Богоматери, различныхъ святыхъ, въ томъ числѣ святыхъ-воиновъ, Саргиса, Георгія и др. но изображеніи человѣческихъ въ собственномъ смыслѣ, взятыхъ изъ жизни, не встрѣчается¹⁾.

Крестные камни съ изображеніями людей были обнаружены впервые въ той части Арменіи, гдѣ вообще излюблена орнаментація рельефами, гдѣ на стѣнахъ храмовъ помимо ктиторскихъ группъ, обычныхъ и для другихъ мѣстностей Арменіи, встрѣчаются довольно большія рельефныя сцены, а именно — въ Хаченѣ²⁾.

Въ августѣ 1909 г. во время поѣздки по древнему Хаченскому княжеству или царству мнѣ пришлось видѣть нѣсколько необычныхъ по виду крестныхъ камней XII и XIII вв.; имѣющіеся на нихъ рельефы даютъ любопытный матеріалъ. Работа этихъ рельефовъ крайне груба, и въ художественномъ отношеніи они не представляютъ ничего интереснаго; они важны по своему содержанию.

Почти всѣ эти рельефы изображаютъ вооруженныхъ всадниковъ, въ одиночку или въ сочетаніи съ другими фигурами. Большинство всадниковъ, за исключеніемъ одного, — воины, и ихъ изображенія особенно интересны потому, что являются пока почти единственными воспроизведеніями армянскихъ воиновъ ранней монгольской эпохи, взятыми прямо изъ жизни.

---

1) Сейчасъ не касаюсь интереснѣйшихъ крестныхъ камней Джульфы, требующихъ спеціальнаго изслѣдованія.

2) Нынѣ въ Джеванширскомъ уѣздѣ Елизаветпольской губ.

Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XXII.

Мнѣ удалось видѣть всего 13 крестныхъ камней съ изображениями людей. Число это, вѣроятно, значительно возросло бы, если бы откопать нѣкоторые кресты, на половину ушедшіе въ землю, и если бы обследовать еще другіе интересные пункты Хачена, гдѣ мнѣ не пришлось побывать, а также и всѣ одинокіе крестные камни, разбросанные по непроходимому мѣстамъ лѣсу. Вотъ перечень извѣстныхъ мнѣ крестныхъ камней съ рельефами.

I. Развалины пустыни Кочикъ²⁾. Въ западной стѣпѣ южнаго притвора, снаружи, вдѣланъ большой крестный камень. Подъ крестомъ рельефное изображение всадника. Около фигуры всадника и подъ нею надпись въ 5 строкъ, смѣшаннымъ (иниціальнымъ и строчнымъ) письмомъ, слѣдующаго содержания:

ԹԻՎ ՈՒՅ Է: ԵՆ ՏԷՐ ԳՐԻՂԻՉ ԵՆ ԵՂՎԱՅՐ ՈՂ ԳՐԻՂԻՐ ՈՐԻՒՄ ԶԱՆՆԱՅՉ ՉԱՆԳԵՆՎԱՐ
ԶՈՒՁՈ ՆԱԻՐ ԿՅՈՒՆ: ՈՐԻՒ ԵՐԿՐՈՒԳՈՒՅՐ Ի ԱՂԱԹՅՈՒ ՅՂԻՆՅՎԷՂԷ:

Лето—652 (1203 г.). Я, владыка Гашикъ, и братъ мой Григорій, сыновья Шахана, поставили сей крестъ нашему отцу. Вы, кто поклонитесь, помяните въ молитвъ.

II. Тамъ же. Въ западномъ притворѣ, въ нишѣ восточной стѣны находится крестный камень съ рельефомъ всадника. Около всадника надпись въ 10 строкъ мелкими буквами иниціального письма:

ԹԵՂԻ, ՈՒՅԷ: ԵՆ ՎԱՍԱԿ ՈՐԻՒ ԱՔՆԱԶԵՆԻ ՉԱՆԳԵՆՎՅՐ ԶՈՒՁՈՒ Ի ՎԵՂՈՅ ՏԱՂԱՆԻՆԻ ԵՂՎԱՅՐ ՈՂՈ ՆԱՍՆԱՅՉ:

Лето 743 (1294 г.). Я, Васакъ, сынъ Абулмеджа, поставилъ сей крестъ на могилъ брата моего Асана.

Сбоку мелкая надпись въ 4 строки:

ՄԸ ՈՐՂՈՐԿԵՆ, ԳՈՂՈՐԿԷ: ԲՈՅՅԷ, ՈՒՄԻԼՈՒՅ ՐՅՈՒՇԻԿԱ:

III. Тамъ же. Въ кладкѣ какого то сооруженія на сѣв.-зап. отъ церкви, быть можетъ монастырскихъ воротъ, лежитъ бокомъ нижняя часть большого крестнаго камня. Подъ крестомъ рельефъ всадника. Около фигуры всадника надпись въ 6 строкъ смѣшаннымъ письмомъ:

ԹԵՂԻ, ՈՒՅԷ: ԵՆ ԳՐԻՂԻՐ ՉԱՆԳԵՆՎՅՐ ԶՈՒՁՈ ՎԱՍՈՐԿԵՆԱ: ՅՆՅՅՎԷՂԷ:

Лето 665 (1216 г.). Я, Григорій, поставилъ сей крестъ Васурану.

Помяните.

IV. Тамъ же. Рядомъ съ только что упомянутымъ стоитъ другой крестный камень съ рельефнымъ изображеніемъ всадника. Надписи нѣтъ.

V. Тамъ же. Недалеко отъ церкви подъ развѣсистымъ деревомъ среди группы крестовъ, служащей мѣстомъ поклоненія (*սուրբ*) для окрестныхъ

2) Развалины пустыни Кочикъ (*Կոչիկ անապատ*) находятся на возвышенномъ хребтѣ, на лѣвомъ берегу рѣчки Кюлятакъ, въ 2½ часахъ пути на Ю. отъ сел. Кюлятакъ.

жителей, находится большой крестный камень съ рельефомъ всадника. Передъ всадникомъ изображенъ сидящій младенецъ съ протянутыми къ нему руками. Около всадника надпись въ 5 строкъ смѣшаннымъ письмомъ:

Ⲡⲓⲃⲏ, ⲡⲉⲣ: ⲙ ⲛⲉⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏ: ⲛⲉⲛⲏⲛⲏⲛⲏ:

Лѣто 664 (1215 г.). Я, Чауиръ, поставилъ сей крестъ сыну моему Григорию. Помяните.

VI. Тамъ же. Около крестнаго камня V ифѣтся еще одинъ, тоже съ рельефомъ всадника. Камень глубоко сидитъ въ землѣ между корнями дерева, такъ что нижней части не видно. Надписи, повидимому, не было.

VII. Тамъ же. Въ апсидѣ сѣверной церковки, на одномъ изъ трехъ выдѣланныхъ въ стѣну крестныхъ камней внизу находится рельефъ всадника. Около всадника надпись въ 9 строкъ смѣшаннымъ письмомъ:

Ⲡⲓⲃⲏ, ⲡⲉⲣ: ⲙ ⲡⲉⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏ: ⲛⲉⲛⲏⲛⲏⲛⲏ:

Лѣто 665 (1216 г.). Я, Отманъ, поставилъ сей крестъ брату моему Сарису.

VIII. Тамъ же. Подъ западной стѣной западнаго притвора находится крестный камень съ рельефомъ всадника. Надписи нѣтъ.

IX. Тамъ же. Въ западную стѣну сѣверной пристройки вставленъ крестный камень; внизу въ правомъ углу рельефное изображеніе фигуры въ длинномъ одеяніи со сложенными на груди руками. Около фигуры надпись въ 5 строкъ, грубыми буквами смѣшаннаго письма:

Ⲡⲓⲃⲏ, ⲡⲉⲣ: ⲙ ⲡⲉⲛⲏⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏ: ⲛⲉⲛⲏⲛⲏⲛⲏ:

Лѣто 630 (1811 г.) было. Я, Спаханика, поставила сей крестъ на моилъ мужа моего hРаноіа. Помяните во Христь.

X. Развалины монастыря hАваптукъ¹⁾. На востокъ отъ церковки среди группы крестныхъ камней выдѣляется одинъ, большой, покривившійся и низомъ ушедшій въ землю. Подъ крестомъ рельефное изображеніе всадника. Надпись въ 7 строкъ:

Ⲡⲓⲃⲏ, ⲡⲉⲣ: ⲙ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏ ⲛⲉⲛⲏⲛⲏ: ⲛⲉⲛⲏⲛⲏⲛⲏ:

633 (1184 г.). Я, hАсанъ, сынъ Ханбака, поставилъ сѣи кресты. Кто (поклонитесь помяните во Христь)²⁾.

XI. Тамъ же. Въ той же группѣ находится одинъ большой двойной крестный камень, разбитый на нѣсколько частей; нижняя часть стоитъ въ землѣ. Внизу направо рельефъ всадника, ѣдущаго на лѣво, по направленію

1) Развалины hАваптукъ (ⲚⲁⲃⲁⲡⲧⲤⲎⲔ) находятся на довольно высокой поросшей лѣсомъ горкѣ, въ 1 ч. пути на Ю. отъ селенія Ванкъ, на явиверстной картѣ обозначены: P. Ц.

2) Конецъ надписи скрытъ въ землѣ.

размѣренно. Хвосты коней завязаны узломъ; конецъ хвоста бываетъ то спущенъ внизъ, то слегка приподнятъ и отведенъ отъ корнуса.

Какъ видно на рисункѣ, голова лошади украшена особымъ значкомъ или неразвѣвающимся султаномъ съ рѣзко обозначенными контурами. Нѣкоторые кони осѣдланы; сѣдло хорошо видно, напр., на крестномъ камнѣ III. Въ другихъ случаяхъ, какъ на крестномъ камнѣ I, всадникъ видимо сидѣлъ либо на голой спинѣ лошади, либо на очень маленькомъ сѣдлѣ безъ лука, либо на чепракѣ, снабженномъ стременами; послѣднія два предположенія болѣе вѣроятны, такъ какъ безъ стремянъ ноги всадника не должны были бы принять то положеніе, какое онѣ имѣютъ; кромѣ того, съ сѣдломъ, или замѣняющимъ его чепракомъ, долженъ быть связанъ ремень, обхватывающій шею коня у груди и снабженный какимъ-то нагруднымъ украшеніемъ (см. рис.). На рисункѣ видна и уздечка съ широкимъ ремненнымъ кольцомъ, надѣтымъ на морду лошади. Рельефную шишечку, видную между мордой и шеей лошади едва-ли слѣдуетъ объяснять случайностью; скорѣе — это большая пышная кисть, связанная съ султаномъ или значкомъ, украшающимъ лобъ коня.

Рельефъ на I крестномъ камнѣ 1203 г.
въ пустыни Кочинкъ.

Посадка воина, такъ же какъ постановка лошади, условна и однообразна. Рисунокъ вполне передаетъ общій типъ. Туловище и голова всадника обращены къ зрителю, нога показана въ профиль; въ общемъ всадникъ не производитъ безобразнаго впечатлѣнія, хотя, конечно, фигура непропорціональна, туловище слишкомъ длинно по сравненію съ ногами. Всадникъ сидитъ плотно въ сѣдлѣ, вытянувъ впередъ ноги, слегка согнутыя въ колѣнѣ; въ лѣвой рукѣ, согнутой въ локтѣ, всадникъ держитъ уздечку, въ правой рукѣ у него конь. На воинѣ длинное одѣяніе, доходящее почти до щиколотки, выше талии узкое, кажется даже въ обтяжку, а внизу болѣе широкое. На талии, вѣрнѣе немного ниже талии (если только это не случайность) завязанъ плоскій поясъ. Детали лица всадника показаны недостаточно рѣзко, мѣстами едва намѣчены; говорить объ окладѣ лица или о типѣ во всякомъ случаѣ не приходится. Необходимо однако упомянуть, что всадникъ крестнаго камня X имѣетъ довольно рѣзко охарактеризованную бороду.

Всѣ всадники носятъ на головахъ особые уборы, несомнѣнно представляющіе собою шлемы; лишь въ одномъ случаѣ, на крестномъ камнѣ XI, можно предполагать наличіе не шлема, а конической шляпы съ полями, вродѣ сохранившихся и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ племенъ Кавказа, напр., свановъ и осовъ, схематически изображенной въ видѣ **Δ**; однако и тутъ не исключена возможность, что это шлемъ. Всѣ головные уборы, за исключеніемъ только что упомянутого, снабжены повязками или же кольчужными бармицами; концы повязокъ или края бармицъ свѣшиваются по сторонамъ головы, всегда обращенной къ зрителю, обрамляя ее на подобіе локоновъ, спускаясь до плечъ и даже ложась на нихъ кончиками, какъ это видно и на рисункѣ. Шлемы встрѣчаются трехъ родовъ. На крестномъ камнѣ III и, кажется, на крестномъ камнѣ IV, шлемъ имѣетъ коническую форму. На другихъ экземплярахъ, какъ крестные камни I и X, шлемъ, сохраняя въ основѣ коническую форму, пріобрѣтаетъ внизу толстый ободъ или оторочку, а на верхушкѣ—шишку; въ такомъ видѣ онъ напоминаетъ головной уборъ третьяго царя въ сценѣ выѣзда царя Трдата¹⁾ въ росписи анійской церкви Тиграна Юпенца и почти тождественъ съ головнымъ уборомъ всадника на рельефѣ въ ц. Аствацацинъ близъ Амагу и князя Ячи Прошяна на его ковчегѣ²⁾; особенно близко сюда подходитъ шлемъ всадника на крестномъ камнѣ X. Въ виду необычности такой формы шлемовъ, быть можетъ, слѣдовало бы признать въ головныхъ уборахъ всадниковъ на крестныхъ камняхъ I и X не шлемы, а шапки. Къ этому типу близко подходитъ головной уборъ всадника на крестномъ камнѣ V, отличающійся однако же тѣмъ, что онъ имѣетъ наверху не одну шишку, а три, вѣрнѣе—одну тройную; вѣроятно въ этой тройной шишкѣ слѣдуетъ видѣть условное изображеніе тройного султана, а въ шишкѣ на крестныхъ камняхъ I и X—простой султанъ.

На изображеніяхъ всадниковъ помимо шлемовъ представлено всего четыре принадлежности вооруженія: копье, мечъ, лукъ и колчанъ.

На всѣхъ почти крестныхъ камняхъ всадники вооружены длинными копьями; на рисункѣ хорошо видно, какъ воинъ держитъ копье остриемъ впередъ и слегка вверхъ, взявъ его подмышку правой руки, пропустивъ подъ локтемъ и поддерживая снизу изогнутой кистью. Копье имѣло длинный и прямой наконечникъ безъ сердцевиднаго или ромбовиднаго расширенія, но съ замѣтнымъ утолщеніемъ приблизительно на серединѣ длины наконечника.

Всадникъ на крестномъ камнѣ I имѣетъ помимо копья еще и мечъ,

1) Н. Марръ, О раск. и раб. въ Ани лѣтомъ 1906 г. СПб. 1907, тбл. XVI.

2) Изд. архим. Гарегин ома, *Գեղարվեստ*, 1911, № 4.

или скорѣе палашъ; палашъ подвѣшенъ двумя ремешками къ поясу; рукоятъ имѣеть перекрестье; самая хватка — съ цилиндрической закругленной на концѣ головкой, загнутой подъ прямымъ угломъ къ стволу хватки.

Большинство всадниковъ вооружено не палашомъ, а лукомъ и стрѣлами. Луки представлены довольно точно, съ характерными отгибами на обоихъ концахъ. Засвидѣтельствовано два способа носить лукъ; всадникъ крестнаго камня VII имѣеть лукъ за спиною, въ горизонтальномъ положеніи, а у всадника на крестномъ камнѣ X лукъ виситъ у поясплци. Больше подобія наблюдается въ манерѣ носить колчанъ, который виситъ всегда наклонно сбоку со стороны зрителя, обыкновенно на ногѣ (лѣвая). Колчанъ имѣеть форму высокой трапеціи, основаніемъ вверхъ, съ изогнутымъ(?) устьемъ.

Такимъ образомъ въ изображеніи всадниковъ представлено все наступательное оружіе, а изъ оборонительнаго только шлемъ. Впрочемъ, весьма возможно, что броня, вѣроятно кольчуга, предполагалась надѣтой, изобразить же кольца или детали брони въ такомъ маленькомъ видѣ было невозможно. Отсутствие щита можно объяснить опасеніемъ скрыть фигуру воина.

Реальное значеніе описанныхъ изображеній выяснилось для меня не сразу. При видѣ перваго крестнаго камня со всадникомъ, единственное представившееся мнѣ объясненіе было толкованіе всадника какъ св. Георгія Побѣдоносца или еще болѣе популярнаго у армянъ св. воеводы Сергія (Саргиса). Но дальнѣйшія находки, особенно крестные камни V и XI, съ несомнѣнною устанавливаютъ, что рельефы на крестныхъ камняхъ изображаютъ не святого, а простыхъ смертныхъ — воиновъ. На крестномъ камнѣ V, поставленномъ, какъ видно изъ надписи, отцомъ на могилѣ своего сына, изображены всадникъ и младенецъ, протягивающій къ нему руки; нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ представлены самъ ктиторъ памятника и его покойный сынъ.

Еще болѣе убѣдительный примѣръ имѣемъ въ крестномъ камнѣ XI, гдѣ всадникъ ѣдетъ по направленію къ фигурѣ въ плащѣ и въ капюшонѣ или клубукѣ; какъ видно изъ надписи, этотъ крестный камень сооруженъ Вархамомъ, вѣроятно въ память его отца или брата, который и изображенъ тутъ же, съ пояснительной надписью: «священникъ Саргисъ». Этотъ Саргисъ не могъ быть изображенъ на крестѣ, какъ соучастникъ въ его постановкѣ: въ такомъ случаѣ надпись была-бы составлена отъ имени обоихъ, и Вархама и Саргиса.

Изображеніе Саргиса имѣеть значеніе и независимо отъ того, что оно помогаетъ выясненію смысла подобныхъ рельефовъ, въ немъ мы имѣемъ весьма рѣдкое изображеніе армянскаго духовнаго лица XII в. На Саргисѣ надѣто одѣяніе вродѣ плаща и остроконечный капюшонъ; въ первомъ безъ

труда можно признать фелонь, и до сихъ поръ сохранившую въ армянской церкви такой же видъ, а въ кашошонѣ — клубукъ, точнѣе — веґаръ, обычный головной уборъ армянскаго чернаго духовенства. Саргисъ названъ въ надписи *բարձիւնս սրբազանաց*; судя по тому, что на головѣ у него надѣтъ веларъ, признакъ принадлежности къ монашескому чину, Саргисъ былъ іеромонахомъ.

Итакъ, въ групповыхъ рельефахъ мы имѣемъ изображенія погребеннаго, въ память котораго сооружался крестный камень, и его родственника, взявшаго на себя этотъ трудъ и расходы по постановкѣ памятника. Одиночныя изображенія могли бы представлять и покойнаго и того, кто соорудилъ крестный камень. Во всякомъ случаѣ, что касается крестнаго камня I, то на немъ, безспорно, изображенъ покойный Шаһангъ, а не одинъ изъ его сыновей, владыка Гагикъ или Григорій: если предполагать здѣсь сына, то слѣдуетъ видѣть во всадникѣ старшаго, имя котораго упомянуто въ надписи первымъ, т. е. Гагика, а онъ лицо духовное, а не воинъ.

Разрѣшенію вопроса, изображаютъ ли рельефы погребеннаго или соорудителя памятника, не можетъ помочь родственный и современный имъ рельефъ IX въ пустыни Кочикъ. Въ описанной фигурѣ съ равнымъ основаніемъ можно видѣть и Һранога и его жену Спаһанику; и для одного и для другой вполне умѣстны и длинное одѣяніе и сложенные на груди руки.

Зато на находящемся въ Гандзасарскомъ монастырѣ крестномъ камнѣ несомнѣнно изображены погребенныя подъ нимъ лица, а не строитель памятника. Безъ сомнѣнія, сидящая на ложѣ женщина — Тагуһа, а ребенокъ — Хагуна. Этотъ рельефъ интересенъ двумя деталями: во-первыхъ, головнымъ уборомъ женщины, весьма напоминающимъ уборъ «княгини» на фрагментахъ фаянсовыхъ чашъ и мисокъ XII-XIII вв. изъ раскопокъ въ Ани; во-вторыхъ, изображеніемъ ложа. Точно такой же типъ сохранили армянскія «тахты» и до нашего времени; несмотря на всю схематичность рельефа это отождествленіе не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію¹⁾.

Особо приходится разсматривать рельефы на недатированномъ крестномъ камнѣ XIII. Этотъ крестный камень долженъ быть значительно болѣе поздняго времени, чѣмъ выше перечисленные. Очевидно, католикось Григорисъ изобразилъ въ видѣ всадника себя и потому снабдилъ этого всадника крестомъ на длинномъ посохѣ. Неясно, почему отецъ Григориса предста-

1) Остается неяснымъ нелишенный интереса вопросъ, были ли ножки тахты вырѣзаны, точнѣе — въ видѣ столбиковъ, какъ у нашихъ столовъ, или вмѣстѣ съ боковыми бортами тахты представляли сплошную доску. Кромѣ того остается непонятнымъ и реальное значеніе упомянутой группы кружковъ и горизонтальныхъ линій; вѣроятно всего, что это — схематическое изображеніе плоскихъ подушекъ для сидѣнія и «мутака» (вальковъ), собранныхъ въ вучу, какъ это дѣлается и теперь.

вленъ съ кувшиномъ въ рукѣ; если видѣть въ этомъ указаніе на родъ занятій, то пришлось бы заключить, что отецъ Григориса былъ гончаромъ; другое, возможное, но слишкомъ натянутое объясненіе, можно дать въ связи съ народной этимологіей имени Мехрабъ, для чего нужно признать нижнюю надпись продолженіемъ основной, а не припиской, и видѣть въ Мехрабѣ отца Григориса: кувшинъ (съ водою) могъ быть символическимъ атрибутомъ мираба, распредѣлителя оросительныхъ водъ, воднаго старосты. Болѣе вѣроятно другое объясненіе: кувшинъ имѣеть какое-то неизвѣстное намъ общее символическое значеніе и долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ другими кувшинами, во множествѣ изображаемыми въ рукахъ фигуръ на болѣе позднихъ армянскихъ надгробіяхъ.

Въ рельефѣ Григориса для насъ важно то обстоятельство, что тутъ явно обнаруживается условный шаблонъ: на болѣе старыхъ крестныхъ камняхъ бывають обыкновенно представлены всадники-воины, и Григорисъ, не будучи воиномъ, изображаетъ себя на конѣ, при этомъ онъ держитъ въ рукѣ посохъ такъ же точно, какъ всадники-воины держатъ копье. На крестномъ камнѣ XI, какъ мы видѣли, воинъ представленъ на конѣ и при оружіи, а священникъ въ соответствующемъ его сану одѣяніи.

Старые рельефы (первые десять и два рельефа безъ всадниковъ) вполне соответствуютъ дѣйствительности, мастеръ старался изобразить опредѣленное лицо, а не вообще человѣка; въ этомъ смыслѣ большое значеніе получаетъ борода, обрамляющая лицо всадника на крестномъ камнѣ X.

Свѣдѣнія наши о всемъ, что касается реальной жизни древней Арменіи отличаются такой скудостью, что каждая новал черта, какъ бы она ни казалась на первый взглядъ маловажной, приобретаетъ нѣкоторый интересъ. Рельефы на крестныхъ камняхъ при всей ихъ грубости, мнѣ кажется, весьма важны; тщательное и даже мелочное изученіе всѣхъ подходящихъ сюда памятниковъ обѣщаетъ открыть намъ много новаго, и, въ освѣщеніи и другихъ источниковъ, можетъ способствовать выясненію нѣкоторыхъ частныхъ обстановки армянской жизни въ XII-XIII вв.